

ЕЗИКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

ПРОБЛЕМЫ И ПРЕДИЗВИКАТЕЛСТВА ПРЕД
СЪВРЕМЕННАТА ЛИНГВИСТИКА
АКТИВНЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В УКРАИНСКОМ
ЯЗЫКЕ В НАЧАЛЕ 21 ВЕКА

Ольга КОСОВИЧ

Тернопольский национальный педагогический университет имени Владимира Гнатюка
E-mail: olgak2270@gmail.com

**ACTIVE DERIVATIONAL PROCESSES IN THE UKRAINIAN LANGUAGE IN THE EARLY
21ST CENTURY** *Olga KOSOVYCH*

Ternopil Volodymyr Hnatiuk National Pedagogical University
E-mail: olgak2270@gmail.com

ABSTRACT: Dynamics of language, its ability to innovate, to create neologisms makes it possible to perform more complex cognitive-discursive functions, contributing to the reflection in the linguistic consciousness of the phenomena that are nominated. Neologic research acquires relevance focused on the occurrence of interactions between the well-established and accepted usage of the system of the Ukrainian language. This interaction reflects the process of harmonisation of the language system and the conceptsphere of modern society that is changing rapidly. Lexical changes in the language system are caused, as it is noted, primarily by extralinguistic factors. Denotation of new objects, events, concepts, realities, new words, new meanings of known words, new phrases are therefore the main characteristic feature in determining the nature of neologisms, new words. Categories of this type are considered by most researchers of neologisms. The formed neologisms as a result of these processes, do not represent new objects and concepts, and are used for names of words that already exist. According to my observations, among the neologisms introduced into the registers of lexicographic works, complex words dominate. The first is the formation of new words based on word-formative possibilities inherent in the language itself. These capabilities are being implemented, but with degrees intensity varying. In the formation of new words one notes a high activity of the prefix *neo-*, meaning renewal, of the prefix *суб-*, meaning fitting under something or near something, subordination, etc.

KEYWORDS: modern Ukrainian language; language development; language vocabulary; lexicasemantic system; neologism; loanword; archaism.

Язык меняется, реагируя на все сдвиги в обществе и в языковом сознании его носителей. В сфере лексики динамические процессы – особенно выразительные. Изучение специфики развития словарного состава в различные исторические периоды остается одним из самых актуальных направлений лингвистических исследований. Например, лексико-семантические процессы в украинском литературном языке изучали В. Жайворонок, А. Муромцева, Л. Мацько, С. Ермоленко, В. Тараненко, К. Ленец, Н. Клименко, И. Кочан, Е. Карпиловская, А. Стишов, Т. Коць, Д. Мазурик, Н. Навальная, Л. Кислюк и др. То, что внимание исследователей языковой динамики, прежде всего, привлекают изменения в номинативном корпусе языка, вполне ожидаемо. Это мнение поддерживает Е. Карпиловская, которая считает, что „именно он (корпус) составляет тот компонент системы языка, который наиболее оперативно „реагирует“ на изменения в общественной жизни, на социодинамику, обнаруживает лингводинамику как спектры новых или измененных (обновленных) номинативных единиц различного происхождения, формально-семантического строения, с разными функционально-стилевыми и стилистическими (коммуникативно-прагматическими) характеристиками. Кроме того, именно единицы лексикона составляют то ядро, в котором сходятся все возможные в языке изменения, поскольку именно номинативные единицы создают почву для других составляющих речевой деятельности сообщества: предикации, или же создание суждений и оценки, выражения

языковой экспрессии, отношение говорящего к высказыванию, его различных интенций“ (Карпіловська, 2017, с. 7 – 8). Хотя научный задел украинских лингвистов, в котором отражены особенности трансформации лексико-семантической системы, весомый, все же отсутствуют четкие классификации, типовые модели основных изменений в словарном составе литературного языка. Такую ситуацию можно объяснить целым рядом причин. Во-первых, изменения в лексико-семантической системе настолько разнообразны, что их трудно подчинить определенной классификации. Во-вторых, одни и те же процессы названы лингвистами поразному (иногда существует довольно большой перечень номинаций). В-третьих, учет системных связей между лексическими единицами (внутреловных, парадигматических, ассоциативно-деривационных) усложняет и так непростую ситуацию. В-четвертых, сочетание лексико-семантических процессов со стилистическими добавляет новых трудностей в формировании типологии изменений. Приведенный список причин далеко не является полным.

Цель исследования – охарактеризовать лексику современного украинского языка в интегральном измерении. В данной статье слово предстает как объект лексикологии, в перманентной динамике, на перекрестке стилей, в измерении когнитивной лингвистики и в ракурсе тематических кластеров. Освещая задекларированные вопросы, мы опираемся и на классические труды, и на новейшие исследования. Такая позиция дает возможность проследить эволюцию лингвистической мысли. Иллюстративный материал подобран из разных источников: из кодификационных практик, художественной литературы, языка СМИ, интернет-коммуникации. Это дает нам возможность передать дух живого слова.

Актуальность систематизации основных типов изменений в словарном составе литературного языка определяется тем, что классификация лексико-семантических процессов имеет первостепенное значение для создания компьютерных программ разного типа, которые будут отражать состояние и статус лексических норм литературного языка. Поэтому смоделируем динамику лексических норм, зафиксированных в общезыковых словарях украинского языка, с комплексом лексикографических параметров (семантизацией, стилистической маркировкой).

Под словарным составом литературного языка, вслед за А. Грищенко, Л. Мацько и М. Плющем мы понимаем не механическое множество слов, присущих языку на соответствующем этапе его функционирования как средства общения, а упорядоченную по определенным закономерностям лексико-семантическую систему (Грищенко, Мацько, Плющ, 1997, с. 101). Таким образом, его развитие происходит с помощью следующих основных способов: 1) путем пополнения новыми лексическими единицами, 2) постепенного сужения употребления, а впоследствии и выхода отдельных номенов, которые по определенным причинам оказались устаревшими, 3) семантической трансформации и 4) стилистической транспозиции уже имеющихся слов.

К важнейшим способам пополнения (или же обновления) лексики относятся: создание неологизмов на базе собственных языковых ресурсов, заимствования слов и оборотов из других языков и привлечения лексических элементов из периферийных участков языковой системы.

Смена словаря – вполне естественное движение в языке. Новые реалии требуют своих наименований. *Неологизм* – это слово, а также его отдельное значение, выражение, которые появились в языке на современном этапе его развития и новизна которых осознается говорящими (общезыковые неологизмы) или были приняты только в каком-то отдельном акте речи, тексте или языке определенного автора (стилистические, или индивидуально-авторские неологизмы).

Термин „инновации“ сравнительно недавно вошел в научный оборот для обозначения сложного понятия, связанного с динамикой лингвальных процессов. Под лексическими инновациями А. Стишов понимает: 1) новые слова, совсем не зафиксированные украинскими словарями, 2) неологизмы, которые хотя и зафиксированные некоторыми новейшими лексикографическими источниками, но еще не имеют общепринятого толкования, 3) лексические единицы, толкование которых в лексиконах было ограничено идеологическими постулатами, 4) возрожденные украинские слова, которые изменили свое стилистическое маркирование в связи с динамическими процессами в лексике современного украинского языка (Стишов, 2003).

Неологизмы можно охарактеризовать по разным параметрам. Прежде всего различают по факторам, которые вызвали их образование. Первый фактор, внеязыковой (экстралингвистический) и наиболее сильный, – это появление в жизни новых явлений и новых понятий. Второй фактор – интралингвистический, который обуславливает обновление уже имеющихся названий любых явлений под влиянием требований к большей точности, экономности или выразительности, например, *мобілка* вместо *мобільний телефон*. Среди неологизмов разграничивают единицы двух статусов: лексические и семантические. К лексическим неологизмам относим слова, новизна которых проявляется прежде всего в их форме. Рассмотрим инновации, которые представляют различные сферы жизнедеятельности человека конца XX века: быт (*йогурт, гамбургер, слакси, памперси*), сферу медицины (*евтаназія, діанетика, гастроэнтерология (акупунктура, гідроклоноотерапія)*), искусства (*андеграунд, триллер, ток-шоу, хит*), спорта (*віндсерфінг, бобслей, кікбоксинг, армрестлінг*), сфера компьютерной техники (*дисплей, файл, інтерфейс, біт, байт, вінчестер, принтер*).

В начале XXI в. в активное употребление вошли такие неолексемы: *буккросинг* (англ. *bookcrossing* – книгооборот) – современное общественное движение бесплатного обмена книгами, которые человек оставляет в специально оборудованном общественном месте (на остановке транспорта, в парке, кафе, магазине) для того, чтобы другой человек мог взять книгу, прочитать и, в свою очередь, повторить процесс; *лайфхак* (англ. *life hack* – срез (слоем) жизни) – краткий полезный совет, что позволяет с наименьшими усилиями решить жизненное или бытовое задание; рецепт, хитрость; *лоукост* (англ. *low cost* – низкая стоимость) – это авиакомпания, которая заманивает клиента дешевыми билетами, имеющая новый подход к бизнесу авиаперевозок, выраженный формулой „низкие расходы – низкие тарифы – высокий спрос – высокие доходы“; *селфи* (англ. *selfie*; от англ. *self* – сам, само) – вид фотографии, автопортрет, сделанный с помощью камеры смартфона, фотоаппарата или веб-камеры; *фрик* (англ. *freak* – чудовище) – лицо, которое отличается ярким необычным внешним видом и вызывающим зачастую своим эпатажным поведением, имеет неординарное мировоззрение, которое заключается в подчеркнутом отказе от социальных стереотипов; *фрилансер* (англ. *freelancer* – свободный художник) – человек, выполняющий любую работу удаленно, сам ищет проекты, может одновременно работать на нескольких фирмах. Среди неологизмов большую долю составляют лексемы из сферы интернеткоммуникации: *бан* (англ. *ban* от лат. *ban* – запрещать) – ограничения прав пользователя Интернета как способ его наказания за неправомерные действия; *лайк* (англ. *like* – влечение, приязнь) – знак предпочтения в социальных сетях; *пост* (англ. *post* – запись) – опубликованный текст с возможным добавлением фото-, видеоматериалов или географической локации в социальных сетях; *твит* (англ. *tweet* – щелкать) – название короткого сообщения в соцсети *Twitter*; *тролинг* (англ. *trolling* – рыбалка способом извлечения рыбы тралом) – размещение в комментариях к представленным на веб-сайтах статей, а также в веб-форумах, чатах, социальных сетях провокационных замечаний, оценок с целью обидеть, унижить, высмеять автора, вызвать конфликты между участниками обсуждения; *фишинг* (англ. *fishing* – рыболовство) – интернет-мошенничество, цель которого – выманивание у пользователей сети персональных данных (паролей, логинов, идентификационных номеров, номеров кредитных карт и т. др.); *флейм* (англ. *flame* – огонь, пламя) – подчеркнуто враждебный обмен мнениями и суждениями между виртуальными собеседниками; *хакер* (англ. *hacker*, от *to hack* – рубить) – лицо, которое совершает незаконное проникновение в чужие компьютерные сети для получения информации; *хештег* (англ. *hashtag, hash* – символ решетки) – слово или фраза, которым предшествует символ „#“; используется для маркировки и последующего поиска тематических записей в социальных сетях.

Отдельные слова имеют довольно точные хронологические характеристики вхождения в лексикон (на основании регистра „Словаря иноязычных слов“ (под редакцией Л. Пустовит): как, например: евро „денежная единица Европейского Союза, введена с 1998 г.“ (Пустовит, с. 211); или данных электронного издания Википедия: *биткойн* (англ. *bitcoin*, от *bit* – минимальная единица компьютерной памяти и *coin* – монета) „электронная валюта, концепт которой был озвучен в 2008 году Сатоси Накамото“ (Вікіпедія).

Семантические неологизмы представлены новыми значениями, которые развиваются у слов, имеющих в языке. Например, новые значения, появившиеся в конце XX века (на основании регистра „Словаря иноязычных слов“): *легіонер* „2) в переносном значении – в командных спортивных играх игрок, который выступает за другую (в основном зарубежную) команду“ (Пустовіт, 2000, с. 319), *меню* „2) Список вариантов действий на экране дисплея компьютера. 3) Перечень компьютерных программ и функций“ (Пустовіт, 2000, с. 351), *пиратство* „2) в переносном значении – форма нарушения авторского права в отношении литературных произведений, аудио – и видеопродукции, компьютерных программ“ (Пустовіт, 2000, с. 440). В начале XXI века. возникли такие неосемантизмы: *вірусний* „такой, который быстро распространяется через Интернет“, *небожитель* „человек из политической элиты“, *пакет* „комплект документов“, *формат* „который соответствует стандартам, принятый (о литературе, музыке и др.“ (Вікіпедія). Отдельные неосемантизмы уже фиксирует 20-томный академический толковый словарь украинского языка, как, например: *кіборг* „перен. Воин, который отличается исключительной стойкостью, отвагой, готовностью к самопожертвованию и др.“: *Українські захисники аеропорту стали відомими як кіборги наприкінці вересня 2014 року* (из наук.-попул. лит.); *В Інтернеті з'явилось відео евакуації поранених кіборгів із аеропорту Донецька* (из журн.); *У Кіровограді героїв, яких ворог за незламність прозвав кіборгами, чекали до третьої ночі сотні людей* (из газ.). Благодаря словообразованию язык постоянно поддерживает феноменальную способность обеспечивать широкие коммуникативные потребности общества. По нашим наблюдениям, среди неологизмов, введенных в реестры лексикографических трудов, преобладают сложные слова. На первом месте стоит процесс образования новых слов на основе словообразовательных возможностей, заложенных в самом языке. Эти возможности реализуются постоянно, но с разной степенью интенсивности.

При образовании новых слов прослеживаем высокую активность префикса *нео-* со значением возобновления, продления: *необільшовизм, неодарвінізм, неоімперський, неокомунізм, неомодернізм, неоренесанс, неототалітарний*; префикса *суб-*, что означает размещение под чем-то или возле чего-то, подчиненность. С помощью этого форманта образованы слова, касающиеся разных сфер: *субантарктичний, субарктичний, субтропіки* (географии), *субдомінанта* (музыки), *субкортикальний* (физиологии), *суборенда* (экономики), *суборбітальний* (космической сферы).

На современном этапе украинский соборный язык ставит к новой лексике ряд требований. По мнению С. Караванского, такая лексика: 1) должна быть понятной, 2) должна легко произноситься и не быть длинной („динозавровой“), 3) должна базироваться на украинских корнях, 4) должна твориться на основании украинского словообразования, 5) не должна устранять из обихода имеющиеся украинские формы (иноязычные – может), 6) не должна нести в себе нежелательный подтекст (Караванський, 1994, с. 146).

Важным фактором языкового развития служат межъязыковые контакты – один из способов обогащения словарного фонда. Заимствуя иноязычную лексику, язык, таким образом, получает дополнительный источник развития собственной лексической базы. Однако существует и негативный аспект такого явления – чрезмерное увлечение языковыми заимствованиями приводит к засорению родного языка.

Термины „заимствованные слова“ и „иноязычные слова“ некоторые ученые, как, например, А. Ткаченко, дифференцируют (Ткаченко, 2000). Заимствованные слова толкуют как такие, что полностью усвоенные языком, который их позаимствовал. Они не воспринимаются говорящими как чужеродный элемент и не требуют объяснений в отношении формы и значения. Поэтому являются зафиксированными в общезыковых словарях вместе с родной лексикой. Иноязычные слова – слова других языков, которые, в отличие от заимствованных слов, не усвоенные полностью в языке, который их позаимствовал, осознаются говорящими как чужеродные и сохраняют признаки своего происхождения. Это проявляется как в их форме, так и семантике. Потому что усвоение языком иноязычных слов – процесс перманентный, и часто трудно провести границу между иноязычными словами и словами заимствованными.

В научно-популярной разведке „Секреты украинского языка“ С. Караванский ставит вопрос, можно ли обойтись без заимствований. И тут же высказывает свои соображения

относительно этого процесса: „Украинский язык может и должен заимствовать слова из других языков. Но такие заимствования не должны быть единственным и исключительным источником обогащения лексики. Язык должен развивать свои внутренние словообразовательные возможности. Иначе он перестает быть самодостаточным языком, становится языком-спутником, обреченным в конечном счете на исчезновение“ (Караванский, 1994, с. 147).

В монографии „Языковая картина мира. Взаимодействие языков“ В. Симонок отмечает, что в русском языке около 2000 слов, заимствованных из французского языка. Из них 96% – это существительные, 2,5% – прилагательные, 1% – глаголы, 0,5% – наречия (Симонок, 1998, с. 139).

Вследствие того, что в конце XX века положение Украины на международной арене изменилось, заметно интенсифицируется проникновение иноязычных слов, прежде всего англицизмов в украинский язык. Ассимиляция иноязычной лексики происходит практически в любой сфере деятельности человека. Но наиболее отчетливо этот процесс проявляется в интернет-коммуникации, в средствах масс-медиа, науке, спорте. В. Симонок выделяет несколько этапов адаптации заимствованного элемента в языковой системе, которая приняла его: 1) передача иноязычного слова фонетическими и графическими средствами языка, который заимствует; 2) ввод его в грамматические парадигмы и категории; 3) фонетическое видоизменение (ассимиляция); 4) возникновение производных; 5) семантическое приспособление (ассимиляция); 6) широта и постоянство употребления. Слово является усвоенным окончательно, если оно вращается в действительность, теряет признаки иноязычного происхождения (Симонок, 1998, с. 108). В середине XX века П. Ковалив в разведке „Чистота и правильность украинского литературного языка“, изданной в Мюнхене, отмечает: „...внешние воздействия на наш язык были, есть и будут, но с ними нужно вести решительную борьбу, если они выходят за пределы дозволенного межнациональными культурными связями“ (Ковалив, 1946, с. 3).

В конце XX века аналогичную позицию занимает С. Федорец в статье „Языковые новообразования: заимствование или засорение?“, где рассматривает проблему „засилья“ иноязычных слов (*дилер, маркетинг, холдинг, траст*) в рекламных текстах: „...в украинском языке есть свои собственные эквиваленты для этих слов и употребление неологизмов не является уместным. Ведь они только засоряют язык, потому что значения собственных слов являются известными всем носителям языка, даже и далеким от сферы экономики, в то время как значения заимствований известны только узкому кругу специалистов“ (Федорец, 2000, с. 105).

Итак, нужно придерживаться паритетного соотношения нормы родного языка и иноязычного заимствования. Чувство меры и умение пользоваться удельными языковыми ресурсами должно стать решающим при выборе вариантов, которые конкурируют между собой.

Среди способов обновления словарного состава литературного языка „самым незаметными, на первый взгляд, являются процессы привлечения лексических элементов из периферийных участков языковой системы. Возможно, из-за того, что до сих пор нет комплексного монографического исследования всех направлений взаимодействия ядра и периферии. Например, соборная украинская литературная речь и сегодня пополняется все новыми и новыми выражениями и формами, почерпнутыми из диалектных источников.

Анализ статуса диалектизмов в лексико-семантической системе литературного языка должен сочетать разные подходы: характеристика диалектизмов с точки зрения степени освоения в литературном языке, по географической проекции и по принадлежности к более узким или более широким лингвогеографическим образованиям (говорам, наречиям). Как видим, параметров для адекватной характеристики диалектизма – немало. Изучение процессов привлечения лексем с периферии языковой системы осложняется тем, что смена статуса слова сопровождается трансформацией его стилистических характеристик (а это является существенным для кодификации лексической единицы).

Одновременно с пополнением литературного языка новообразованиями и заимствованными словами происходит обратный, однако не менее важный для развития национального языка процесс архаизации лексических единиц. Для определения степени актуальности или неактуальности (устарелости) слова необходима определенная точка отсчета.

Э. Кузнецова разграничивает слова, которые относятся сегодня к пассивному составу языка, и слова вполне устаревшие (Кузнецова, 1989, с. 159). К первому типу относятся лексемы, которые мало или совсем не употребляются в речи, но их значение широко известно всем образованным говорящим (*кіш, вйит, жовтень*). Полные архаизмы – неиспользуемые и непонятные без толкования словарей, которые отражают более древние периоды развития языка, как, например (на основании „Словаря украинского языка“ (под редакцией Б. Гринченка): *дам* „количество молочных продуктовъ, даваемыхъ собственникомъ **полонини** хозяевамъ пасущагося на ней скота“ (Грінченко, 1996, с. 359).

Второй признак, характеризующий архаизацию, – причины, которые ее обуславливают. В таком лингвистическом ракурсе различают историзмы (или материальные архаизмы) и собственно архаизмы. Обычно архаизация происходит очень медленно. Анализ словарных статей различных лексикографических изданий позволяет проследить поэтапность аутирования отдельных лексических единиц (или же отдельных лексико-семантических вариантов слова) из языкового оборота. Для параметризации процесса архаизации предлагаем ввести еще одну лексикографическую характеристику слова – последнюю фиксацию лексемы в словаре. Так, путем сравнения кодификационных реестров отобранных для анализа словарей устанавливаем место последней репрезентации конкретных лексем, например, согласно данным „Словаря украинского языка“ (под редакцией И. Білодида): *єднус* „заст. Дукач“ (Білодід, 1970 – 1980, с. 497), *хрунь* „діал. 1. лайл. Свинья; // перен. Грубый, подлый человек... 2. уст. В Галичине – избиратель, который продавал свой голос“ (Білодід, 1970 – 1980, с. 157).

Развитие лексико-семантической системы в диахронии связан главным образом с изменением состояния компонентов и зависит, в частности, от семантического объема слов в разные исторические периоды. Лексикографические труды заключают семантический объем слов на определенном этапе и становятся основой для формулирования новых лексикосемантических вариантов или для уточнения или перестройки семантической структуры слов в дальнейшей кодификационной практике.

Сопоставление толкования слов в лексикографических трудах различных временных срезов дало основание для выделения пяти основных типов семантической трансформации слова, таких как: семантические изменения в словах с одинаковым количеством значений; расширение семантической структуры слова; сужение семантической структуры слова; процессы образования и исчезновения омонимии; комплексные качественные модификации значения слова.

В случаях, когда лексическая единица не изменяет общего количества значений или же остается моносемической, в семантической структуре слова или отдельного лексикосемантического варианта отмечаем несколько видов изменений: углубление толкования; обобщение значение; модификацию значения; изменение позиции трактовки значения в словарной статье, выдвижение других значений на роль основного. Например, модификацию значения претерпело слово *грудень*. Эта лексическая единица с архисемой „название месяца“ сохранила родовое значение, а изменила видовое. В „Словаре украинского языка“ (под ред. Б. Гринченка) слово манифестировано со значением „ноябрь“ (Грінченко, 1996, с. 332). В словарной дефиниции говорится, что оно „употребляется въ этомъ значеніи здавна“. Употребление лексемы подтверждается цитатой из „Повести временных лет“.

С аналогичным семантическим наполнением слово зафиксировано и в других лексикографических трудах, таких как „Словарь російсько-український“ М. Уманця и А. Спилки, „Русско-малороссийский словарь“ Е. Тимченка; в календарях „Родного Края“ на 1907 год, „Просвещения“ на 1908 год. Лишь в конце словарной статьи Словаря украинского языка указано, что в галицких календарях *грудень* – это „декабрь“. В XX века утвердилось привычное для наших современников значение. РУС-37 переводит с русского языка *декабрь* как *грудень*, а Словарь украинского языка (под ред. И. Білодеда) подает такую семантизацию слова *грудень*: „Название двенадцатого месяца календарного года“ (*Словник української мови*, 1970 – 1980, с. 179).

Наглядной демонстрацией динамики изменений в смысловом наполнении словарного состава современного украинского литературного языка способствует предложенная нами

система формул, моделей и схем трансформаций семантической структуры слов. Так, изменения семантической структуры слова *пасія*, произошедшие за моделью „2 лексико-семантические варианты (Гринченко, 1996) → 2 лексико-семантические варианты (Білодід та ін., 1970 – 1980) → 1 лексико-семантический вариант“ (Ткаченко, 2000). Слово латинского происхождения *пасія* (от лат. *passio* – страдания, страсть) в „Словаре украинского языка“ зафиксировано с двумя значениями. В семантической структуре слова первое место занимает лексико-семантический вариант „пасія, особе церковное служеніе...“, а второе – „...раздраженіе“ (Гринченко, 1996, III, с. 99).

В „Словаре украинского языка“ (под ред. И. Білодеда) семантическое наполнение слова *пасія* представлено таким образом: „1. *заст.* Любовь, пристрасть. Як фаховий і незвичайно здібний слюсар-самоук, він попросту мав пасію до відчинювання замків (Фр.); // *розм.* Предмет кохання, пристрасті; коханий, кохана... 2. *діал.* Гнів“ (Білодід, 1970 – 1980, с. 86). Первая позиция отводится лексико-семантическому варианту (отсутствующему в „Словаре украинского языка“ (по редакцией Б. Гринченка), представленному как архаизованная лексикосемантическая единица (с пометкой *уст.*), и микрозначению со стилистической пометкой *разг.* Первое значение слова *пасія* со „Словарем украинского языка“ (под ред. Б. Гринченка) уже относится к разряду семантических элиминантов, поскольку „Словарем украинского языка“ (под ред. И. Білодеда) не фиксируется; второе значение кодифицировано как диалектное – с ограничительной пометкой *діал.*

В конце XX века лексикографические труды манифестируют сужение семантического объема слова, превращение его в моносемическую единицу: *пасія* „человек, которого страстно любят, за которым ухаживают“; „предмет любви, страсти, жажды“ (Ткаченко, 2000, с. 213-214). Поэтапность протекания семантических трансформаций слова *пасія* отображает формула „2 лексико-семантические варианты – 1 лексико-семантический вариант + 1 лексикосемантический вариант – 1 лексико-семантический вариант = 1 лексико-семантический вариант“. В словарном составе украинского литературного языка процесс взаимодействия внешних факторов с внутренними закономерностями языкового развития интенсивно проявляется не только в обогащении и обновлении лексики, но и в стилистической транспозиции слов.

Изменения стилистического статуса слов украинского литературного языка происходят по следующим направлениям, а именно: 1) нейтрализация стилистической окраски слова или лексико-семантического варианта, 2) развитие стилистической окраски слова или лексикосемантического варианта и 3) перераспределение между различными группами стилистически окрашенной лексики.

Диапазон стилистических изменений очень широк: активно проходят процессы терминологизации и детерминологизации лексики, изменения социальных коннотаций, переориентации номинаций, актуализации и пассивизации лексико-семантических средств.

Каждый из названных процессов можно определенным образом смоделировать. Например, коннотативные трансформации представлены такими тремя тенденциями, как: 1) нейтрализация маркированной лексики (модель „– → 0“: *власник, підприємництво, комерція*; модель „+ → 0“: *перебудова, прискорення*); 2) развитие коннотативной окраски слов (модель „0 → –“: *гуртожиток, комуналка, казарма*; модель „0 → +“: *храм, вінчання, вітвар*); 3) кардинальное (часто диаметрально противоположное) изменение коннотативного статуса слов (модель „+ → –“: *сталінський, соцреалізм, атеїзм*; модель „– → +“: *національний, багатопартійність, дисидент*).

Лабильность нормативно-стилистических границ и градаций общенародного словоупотребления неизбежно порождает противоречия в стилистической оценке словарных единиц, особенно тех, которые находятся на соприкасающихся участках различных слоев, разрядов и функциональных сфер. Часто прослеживается запоздалая фиксация в лексикографических трудах уже сложившихся стилистических норм. Такая неадекватность кодификации реальной языковой практики объясняется широким диапазоном стилистических характеристик лексем (не просто выбором из двух параметров „нормативное явление – ненормативное явление“), большей динамикой течения стилистических процессов. В целом констатируем, что лексико-семантические процессы в большой степени детерминируют

состояние украинского национального языка. Специфика динамики литературных норм, адекватность их отражения в кодификации, уровень функционирования норм является основой для структурно-исторической дифференциации периодов истории литературного языка. Моделирование основных типов изменений в словарном составе – эффективный способ изучения кодифицированных лексических норм, имеет прикладное значение для исследования различных литературных языков.

БИБЛІОГРАФІЯ:

- Білодід, І. (1970 – 1980)** Словник української мови. Т. 1 – 11. Київ: Наукова думка.
(*Bilodid, I. Slovnyk ukrayinskoyi movy. T. 1 – 11. Kyiv: Naukova dumka*)
- Вікіпедія (2018)** Bitcoin. (12.11.2018). Available at:
<<https://uk.wikipedia.org/wiki/Bitcoin>>
- Грінченко, Б. (1996)** Словарь української мови. Т. 1–4. Київ: Довіра – Рідна мова.
(*Grinchenko, B. Slovar ukrayinskoyi movy. T. 1 – 4. Kiyiv: Dovira – Ridna mova*)
- Грищенко, А.,
Мацько, Л., Плющ, М. (1997)** Сучасна українська літературна мова: підручник; за ред. А. П. Грищенка. 2-ге вид., перероб. і допов. Київ: Вища школа, 493 с.
(*Gryshenko, A., Matsko, L., Plushch, M. Suchasna ukrayinska literaturna mova. Kyiv: Vyshcha shkola, 493 s.*)
- Караванський, С. (1994)** Секрети української мови: науково-популярна розвідка з додатком словничків репресованої та занедбаної української лексики. Київ: УКСП „Кобза“, 152 с. (*Karavanskij, S. Sekrety ukrayinskoyi movy: naukovo-populyarna rozvidka z dodatkom slovnychkiv represovanoyi ta zanedbanoyi ukrayinskoyi leksyky. Kyiv: UKSP “Kobza”, 152 s.*)
- Карпіловська, Є. (2017)** Вплив суспільних змін на розвиток української мови: монографія. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 444 с. (*Karpilovska, Ye. Vplyv suspilnih zmin na rozvitok ukrayinskoyi movi: monografiya. Kiyiv: Vidavnichij dim Dmitra Burago, 444 s.*)
- Ковалів, П. (1946)** Чистота і правильність української літературної мови. Мюнхен: Рідне слово, 35 с. (*Kovaliv, P. Chystota i pravylnist ukrayinskoyi literaturnoyi movy. Myunhen: Ridne slovo, 35 s.*)
- Кузнецова, Э. (1989)** Лексикология русского языка: учеб. пособие для филол. фак-ов. ун-тов. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 216 с. (*Kuznetsova, E. Leksikologiya russkogo yazyka: ucheb. posobie dlya filol. fak-ov. un-tov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Vysshaya shkola, 216 s.*)
- Пустовіт, Л. (2000)** Словник іншомовних слів. Київ: Довіра, 1018 с. (*Pustovit, L. Slovnyk inshomovnyh sliv. Kyiv: Dovira, 1018 s.*)
- Сімонок, В. (1998)** Мовна картина світу. Взаємодія мов. Харків: Основа, 169 с. (*Simonok, V. Movna kartina svitu. Vzayemodiya mov. Charkiv: Osnova, 169 s.*)
- Стишов, О. (2003)** Українська лексика кінця ХХ століття (на матеріалі мови засобів масової інформації). Київ: Вид. центр КНЛУ, 388 с. (*Styshov, O. Ukrayinska leksyka kintcyu XX stolittya (na materiali movy zasobiv masovoyi informaciyi). Kiyiv: Vyd. centr KNLU, 388 s.*)
- Ткаченко, О. (2000)** Українська мова. Енциклопедія. Київ: Українська енциклопедія. (*Tkachenko, O. Ukrayinska mova. Enciklopediya. Kiyiv: Ukayinska enciklopediya*)
- Федорець, С. (2000)** Мовні новоутворення: запозичення чи засмічення? // *Лінгвістичні дослідження*. Харків, Вип. 5, с. 104 – 106. (*Fedorets, S. Linguistic neologisms: borrowing or littering? // Lingvistychni doslidzhennya. Charkiv, Vyp. 5, s. 104 – 106.*)